

У крестьян есть свой особый способ отсчета времени: даже в пасмурные дни они просыпаются точно по часам, безошибочно определяя примерный час.

У Юнь Чэ такого навыка не было, и проснулся он лишь от криков снаружи.

— Пятая невестка, вставай!

Голос, доносившийся сквозь шум осеннего дождя, был звонким, но в комнате стоял полумрак — видимо, рассвет еще не наступил.

— Иду, иду.

Юнь Чэ, сам не понимая, кто это кричит, спросонья отозвался, но тут же замер, чувствуя, как бешено забилось сердце. Он испуганно покосился на мужчину рядом.

Только что спросонья он не подумал и ответил своим обычным голосом. Надеюсь, тот не заметил?

Младшая дочь семьи Лу, услышав ответ, развернулась и ушла. Дождь барабанил по промасленной бумаге зонта, создавая сильный шум, так что она не разобрала, чей именно это голос, да и какая разница — главное, что кто-то отозвался.

Юнь Чэ, одеваясь в потемках, дрожал от страха, и лишь воспоминание о вчерашнем сне немного успокоило его.

Как бы то ни было, это можно считать своего рода золотым читом. Хотя он еще не до конца понял, что это за каменная плита и что на ней написано, но она определенно должна быть полезной!

В главной комнате мать семейства Лу, увидев, что младшая дочь, едва крикнув во дворе, вернулась, не удержалась от раздражения.

Раньше, когда пятый сын был здоров, он больше всех любил эту сестренку и, получая награды на стороне, никогда не забывал присылать ей подарки. А теперь, когда пятый слег, она тут же отстранилась, не желая иметь с ним ничего общего, да и к новой невестке относится холодно — боится, что та станет обузой.

Раз уж она такая расчетливая, то, когда попадет в дом мужа и ее там начнут обижать, пусть даже не думает вызывать к своим братьям.

Мать Лу сдержала гнев и не стала ее отчитывать. Сегодня день, когда новая невестка должна подносить чай и менять обращение к старшим, не время для воспитательных бесед.

Перед выходом из спальни Юнь Чэ ткнул пальцем в своего соседа по кровати. Тот невнятно пробормотал, что проснулся, и только тогда Юнь Чэ успокоился: можно не бояться, что новоиспеченный муж раскусит, что невеста — на самом деле мужчина.

Он осторожно заглянул в главную комнату. Дверь была распахнута, внутри теснилось множество людей — судя по всему, ждали его. Вчера ведь обещали, что сегодня он будет знакомиться с родней.

Он уже собрался было метнуться туда, как у входа показалась девушка с зонтом — та самая,

что вчера провожала его до уборной, дочь старшего брата.

— Пятая тетушка, пойдёмте сначала к очагу, умоетесь, чай уже готов.

Лу Хуэй, ступая на цыпочки и выбирая места посуше, с улыбкой поманила его за собой.

Юнь Чэ поблагодарил ее и, умывшись, настроился на нужный лад, чтобы идти в главную комнату.

Если узнают — так узнают. В конце концов, семье Лу нужны люди, чтобы ухаживать за больным, а он просто хочет выжить. А если удастся разгадать тайну той каменной плиты из сна, ему вообще нечего будет бояться.

В главной комнате было светлее, и он смог разглядеть присутствующих. Старики Лу сидели на почетных местах, по обе стороны стояли остальные члены семьи. На полу виднелись следы от сдвинутой мебели — видимо, освободили место, оставив только стол и стулья у стены для церемонии чаепития.

Надо признать, когда десяток человек молча наблюдают за тобой, пока ты идешь под дождем, это давит. Юнь Чэ, только было успокоившееся сердце, снова ушел в пятки, и он невольно опустил голову.

— Поосторожнее, эти чашки фарфоровые, если разобьешь, твоего приданого не хватит, чтобы расплатиться.

Мать Лу, заметив, что невестка застыла в дверях, не упустила случая уколоть ее.

Все в доме знали, как именно взяли девушку из семьи Юнь: никакого приданого у нее не было, даже сменной одежды, так что это был явный намек.

Старшая невестка Чжао Хэхуа поспешила сгладить углы:

— Невестка, давай скорее чай подноси.

Юнь Чэ, стараясь не привлекать внимания, подошел к единственному столу, опустился на колени перед главой семьи и тихо произнес:

— Свекор, прошу, выпейте чаю.

На лице старика Лу было мало морщин, но они были глубокими, а под смуглой кожей проступали вены. Он взял чашку, отпил глоток и буркнул:

— Угу. Живите теперь ладно.

Сказав это, он поставил чашку и замолчал. Он был занят подсчетами расходов на свадебный пир и не собирался тратить время на невестку — это дело бабки.

Юнь Чэ переполз к свекрови:

— Свекровь, прошу, выпейте чаю.

— Чего голову так низко опустила? Я что, тебя съем? Подними лицо!

Мать Лу не спешила брать чашку, вместо этого она решила как следует разглядеть невестку.

Юнь Чэ замер, а затем, изображая застенчивость, поднял голову. Перед ними предстало маленькое, почти детское личико с пухлыми щечками, чистые, как у подростка, глаза, аккуратный носик и вишневые губы. Редкая красота.

— Неудивительно... — пробормотала мать Лу, закончив осмотр.

С такой внешностью немудрено поверить гадалкам, наплевавшим в уши, что дочь станет императрицей.

Старик Лу, услышав голос жены, взглянул в их сторону и вдруг сузил глаза. Он хотел присмотреться получше, но невестка уже снова почтительно опустила голову. Как главе семьи, ему не пристало заставлять ее поднимать лицо еще раз. Попялившись еще немного, он решил, что, должно быть, глаза подвели. Да как такое возможно? Кто в здравом уме отдаст сына в жены под видом девицы? Это же форменное безумие.

— Личиком ты вышла, да только не всегда это к добру. Хорошо хоть, что у нашего пятого много братьев, никто тебя в обиду не даст... — Мать Лу еще немного поворчала о преимуществах большого количества мужчин в доме, снова дала наказ хорошо жить и заботиться о пятом сыне, и только тогда взяла чашку и пригубила чай.

— Вставай. Это твой старший деверь и его жена. Старший вчера ездил за тобой.

Она указала на Лу Дунхая и Чжао Хэхуа. Юнь Чэ поднялся, кивнул и поздоровался.

Эта пара — высокий, крепкий мужчина и невысокая полноватая женщина — выглядели людьми основательными и надежными, говорили мягко, а работали споро. Юнь Чэ уже немного познакомился с ними вчера, так что чувствовал себя чуть увереннее.

Затем пошли Наньхай, Сихай, Бэйхай и их жены. Братья «моря» были разные по росту и внешности, но все как на подбор крепкие, а вот жены — все как одна низкорослые, видимо, в период роста им не хватало питания.

Если старшие братья, будучи людьми семейными, не выказали особого удивления внешности Юнь Чэ, то третий и четвертый братья явно были поражены и даже пожалели, что женились так рано. Впрочем, подумав, что это был сговор между семьями, они быстро успокоились. В округе из девяти деревень и восемнадцати селений это, пожалуй, была единственная красавица, которую семья Юнь прятала так тщательно, что дети даже на поля не выходили.

Пока семья Лу размышляла о своем, Юнь Чэ про себя иронизировал: этот старик Лу сразу назвал сыновей по сторонам света, непонятно только, почему пятый стал Лу Мином, а не как братья.

Размышляя об этом, он не забывал следить за тем, чтобы не выдать свой истинный пол. В конце концов, сейчас он — сестра Юнь Си.

— Ну вот, это все твои девери и снохи. Есть еще старшая золовка, она замужем, увидитесь, когда будет время. А это младшая, Лу Цяо.

Когда мать Лу закончила представлять братьев, Юнь Чэ, который уже был впечатлен плодовитостью стариков, удивился еще больше. Если посчитать вместе с Лу Мином,

получается семеро? Хотя нет, это только те, кто выжил. Учитывая высокую детскую смертность в древности, возможно, были и те, кого не удалось уберечь. Неужели эта старушка родила еще больше?

Пока Юнь Чэ предавался этим мыслям, люди в комнате по указанию матери Лу начали расходиться. Мужчины, накинув соломенные плащи, взяли сухой паек с водой и вышли под дождь, оставив женщин обсуждать дела и распределять работу по дому.

<http://bllate.org/book/20794/2089273>